

УДК 94(470.331).084.5+37

DOI 10.26456/vthistory/2023.3.100–110

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТВЕРСКОЙ ГУБЕНИИ В 1920-Е ГОДЫ ¹

А.В. Плахина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена изучению одного из наиболее актуальных вопросов становления системы народного образования в советской России – финансированию школ и материальному обеспечению школьных работников. На основе анализа отчётов Губернского исполкома раскрываются проблемы и сложности, с которыми сталкивалось советское правительство и власть на местах в процессе формирования новой государственной системы образования, характеризуются методы и способы создания эффективной системы поддержки и развития школ в Тверской губернии, анализируются процессы привлечения внебюджетных средств в условиях преодоления социально-экономического кризиса в Тверской губернии. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на большое количество нерешенных проблем, власть сумела сохранить систему школьного образования в качестве важнейшего социального института.

Ключевые слова: народное образование, Тверская губерния, двухуровневое финансирование, реформирование, расходы, кадровый потенциал, школьное строительство, внебюджетные средства, плата за обучение, фонды.

Состояние системы образования в значительной мере определяется уровнем её финансирования. Проблема источников дохода всегда была актуальна для отечественной школьной системы.

Особый исследовательский интерес в данном контексте представляют 1920-е гг., когда советская власть в сложных политических и социально-экономических условиях пыталась найти наиболее подходящую модель финансирования народного образования. Обозначая в своих первых документах основные принципы социально-экономической политики, большевики декларировали бесплатное обучение в школах 1-й и 2-й ступени². Однако последствия Гражданской войны, первоочередная необходимость восстановления народного хозяйства, внутренние социально-политические проблемы

¹ Научный руководитель – декан исторического факультета Тверского государственного университета, д. и. н., профессор Т.Г. Леонтьева.

² Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов. Положение о единой трудовой школе РСФСР от 16.10. 1918.

заставили власть приступить к новой экономической политике и обратиться к режиму строжайшей экономии во всех областях народного хозяйства.

Анализ степени научной разработанности проблемы показал, что можно выделить несколько основных этапов изучения истории становления и развития школьного образования. Работы периода 1920-х гг. отражали характерные особенности поиска путей создания новой системы советского образования и брали за основу труды партийных лидеров и руководителей народного образования (В.И. Ленин, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский)³. Труды Л.Д. Синицкого, С.А. Каменева, посвящённые вопросам организации системы советского образования, указывают на сложность происходящих событий, неоднозначность принимаемых решений⁴.

Второй историографический этап (середина 1930-х – середина 1950-х гг.) отличался жёсткой идеологизацией и воздействием на изучение истории просвещения идей «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)». Однако стоит отметить исследование Н.А. Константинова и Е.Н. Медынского «Очерки истории советской школы РСФСР за 30 лет», в котором впервые комплексно рассматриваются основные стороны системы образования: административное управление, материально-техническое обеспечение, определение содержания обучения, подготовка педагогических кадров⁵.

Третий историографический этап (середина 1950-х — конец 1980-х гг.) характеризуется появлением и расширением нового круга вопросов и проблематики. В работе Ф.Ф. Королева и З.И. Равкина «Очерки по истории советской школы и педагогике» отражено системное исследование процесса становления советского образования⁶.

Четвёртый этап (с 1991 г. по настоящее время) отличает поиск новых подходов к изучению и оценке исторических событий, междисциплинарность, объективность при анализе процесса формирования системы образования.

К моменту прихода к власти у большевиков не было разработанных планов реформирования системы народного образования. Частично использовались предложения представителей дореволюционной школы, частично – идеи марксизма. Однако чаще действовали методом проб и ошибок. Времени и квалифицированных кадров (к тому же готовых к сотрудничеству с советской

³ Крупская Н.К. Народное образование и демократия. М., 1921; Ленин В.И. О народном образовании. М., 1977; Луначарский А.В. Проблемы народного образования. М., 1923.

⁴ Каменев С.А. Советская трудовая школа. 1925; Синицкий Л.Д. Трудовая школа, ее принципы, задачи и идейные корни в прошлом. М., 1922.

⁵ Константинов Н.А. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948.

⁶ Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961.

властью) для детальной подготовки столь серьёзного и сложного мероприятия на тот период не было⁷. В результате 1920-е гг. можно охарактеризовать как время разнообразных экспериментов и новаций.

В интересах восстановления жизненно важных отраслей производства расходы на социально-культурные мероприятия, в том числе на народное образование, были значительно сокращены: к 1922 г. доля ассигнований государственного бюджета на народное просвещение уменьшилась в пять раз. В этих условиях Народный комиссариат просвещения оказался не в состоянии обеспечить нормальное функционирование образовательной системы⁸. Она была поставлена на грань выживания: началось резкое сокращение числа учебных заведений, многие школы считались действующими лишь формально, на практике они месяцами были закрыты из-за отсутствия топлива, средств, массового увольнения учителей, вынужденных искать возможность заработать и прокормиться. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский отмечал, что дело народного образования «душит» материальная нужда, что школа умирает на глазах, а комиссариат бессилён спасти учителя от голодной смерти⁹.

С.И. Пухальский, член Тверского горсовета и губисполкома, заведующий городским и губернским отделами народного образования, член общества изучения Тверского края, подробно осветил ключевые проблемы развития народного образования в Тверской губернии. Например, в Весьегонском уезде лишь три школы из 136, с его слов, удовлетворяли нормальным условиям обучения. В целом по губернии было катастрофически мало специальных школьных зданий, многие из которых, в свою очередь, нуждались в ремонте. Большинство школ находились в тесных помещениях, простых крестьянских избах. Отмечались недостаток освещения, недостаток воздуха, отсутствие элементарных удобств. Зимой 1920 г. регулярно не работали многие городские и сельские школы, снабжение керосином производилось лишь в Корчевском уезде. В школах Тверской губернии практически отсутствовало снабжение школьным инвентарем – один карандаш приходился на 7–10 человек, на одного ученика – 1 перо в год, 6 листов бумаги; азбуки и буквари направлялись только во вновь открываемые школы из расчёта 2–3 экземпляра на учебное заведение¹⁰.

Что касается кадрового потенциала, можно отметить острый дефицит учителей (как в губернском центре, так и на местах). В 1920 г. недостаток учителей составлял 2 тыс. чел., который не могли покрыть существующие в Тверской губернии педагогические учебные заведения: Институт народного образования – 2 (Тверь, Ржев), постоянные 3-годовалые педагогические курсы – 9,

⁷ Луначарский А.В. Вновь к старым задачам! // Народное просвещение. М., 1923. № 3. С. 1.

⁸ Плюснин-Кренин Б. Под тем же знаменем // Народное просвещение. М., 1921. № 87–88. С. 2.

⁹ Луначарский А.В. О народном образовании. М., 1958. С. 237.

¹⁰ Пухальский С.И. Народное образование // Сборник материалов. 1921. С. 91.

одногодичные педагогические курсы – 4, общее число учащихся – 1700 чел. (выпускаются в 1921 г. – 375 чел, в 1922 г. – 470 чел.)¹¹.

В губернии отмечался общий упадок квалификации учителей. Краткосрочные курсы не могли решить проблему, так как наиболее ценные кадры уходили из этой сферы деятельности в связи со сложными материальными условиями работы. Большинству школьных работников приходилось работать в две смены, заниматься ликвидацией неграмотности среди взрослого населения и в красноармейских частях, вести внешкольную работу (организация кружков, постановка спектаклей, вечеров), проводить переписи, учёты¹².

Предельно ограниченные возможности централизованного финансирования народного образования диктовали необходимость привлечения на его содержание средства местных бюджетов. Начало двухуровневого финансирования, из центрального и местного бюджетов, было положено на рубеже 1921–1922 гг. Согласно декретам СНК от 9–10 декабря 1921 г. «О местных денежных средствах» и «О местных бюджетах», на места передавалась часть расходов на содержание массовых социально-культурных учреждений, в том числе и учебных заведений, административно-хозяйственные расходы их органов управления. На государственном бюджете оставались расходы на заработную плату служащих аппарата управления и его основные операционные расходы. Начавшись в 1921 г., процесс выделения системы местных бюджетов, формирования их структуры завершился только в 1926 г.

Практика школьного строительства в этот период показала, что в условиях реструктуризации финансирования из центрального бюджета, незавершённости процесса формирования местной бюджетно-финансовой системы, хронической нехватки средств центрального и местного бюджетов на поддержку учебных учреждений двухуровневая форма финансирования была не в состоянии предотвратить деструктивные процессы в системе школьного образования. В сложившейся ситуации власть обратилась к использованию многоканальной системы финансирования народного образования, основным компонентом которой, помимо средств центрального и местного бюджетов, являлись внебюджетные источники.

15 сентября 1921 г. СНК РСФСР было принято постановление «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений», которое по существу явилось первой попыткой советской власти в условиях кризиса приостановить стихийное разрушение школьной системы и урегулировать формы и методы привлечения внебюджетных средств для поддержания народного образования¹³.

Месяц спустя ЦК РКП(б) отправил на места циркулярное письмо «О порядке привлечения местных средств к расходам по содержанию просветительных учреждений», в котором поставил перед партийными организациями

¹¹ Пухальский С.И. Указ. соч. С. 90.

¹² Там же. С. 88.

¹³ Плюснин-Кренин Б. Указ. соч. С. 2.

задачу оказать отделам народного образования всемерную помощь в мобилизации средств населения на нужды школы. Таким образом, в конце 1921 г. вопрос внебюджетного финансирования народного образования приобретал нормативную основу в документах государственного, партийного и ведомственного уровня. Вопросы организационно-финансового состояния системы местных бюджетов, внебюджетного финансирования впервые стали предметом обсуждения на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г. Было принято решение об укреплении материальной базы школ и расходовании 20 % доходной части бюджета местных советов на нужды народного образования, рекомендовалось активно привлекать в качестве антикризисной меры внебюджетные источники финансирования – средства населения в различных его формах. Делегаты говорили, что поиски путей поддержки школы, которые позволили бы ей выжить в тяжёлых экономических условиях, «сплошь и рядом принимали самые уродливые и ненормальные формы, это находило выражение в кустарно и неорганизованно проводимых самообложениях в сельской местности, передаче отделами народного образования учебных учреждений в частные руки, установлении платы за обучение, введении «поголовного» обложения родителей»¹⁴.

Было очевидно, что неудачный опыт местных властей по использованию средств населения в таких формах требовал пересмотра и регламентации. Как показала практика привлечения внебюджетных средств, крестьяне, понимая необходимость материальной поддержки школы, в качестве добровольной помощи соглашались выполнять работы в пользу школы, например, сделать сруб, провести мелкий ремонт. Но сбор продовольствия в пользу школ проводился с трудом. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств после Гражданской войны, неурожая 1921 г. и его последствий испытывали серьёзные экономические трудности и были не в состоянии выполнить норму по самообложению, материально поддержать школу. Перед ними стояла гораздо более насущная жизненная проблема – преодолеть голод, выжить самим. В мае 1922 г. руководство отделов народного образования признавало, что кампания самообложения провальная¹⁵. В качестве причин провала указывались халатное отношение, самоустранение от кампании. Однако сложившееся положение было обусловлено не только организационными причинами, но и тем, что задачи по самообложению не соответствовали материальным возможностям крестьянства. В результате проводимое добровольно-принудительными методами самообложение как источник поддержки сельской школы и учителя в 1921–1922 учебном году, на практике не оправдало себя. Неэффективность кампании и продолжающееся стихийное закрытие сельских школ побудили власти в начале следующего учебного года обратиться к другой форме помощи населения школе – на договорных началах.

¹⁴ Ялозина Е. А. Многоканальное финансирование советской школы в годы НЭПа как антикризисная мера: исторический аспект вопроса // Вестник Московского государственного областного университета. Раздел: Новейшая история России. 2010. № 3. С. 82.

¹⁵ Пухальский С.И. Указ. соч. С. 92.

Согласно заключённым с крестьянством договорам, школы находились в ведении отделов народного образования, но содержались преимущественно за счёт местного населения, которое имело право контролировать средства, ассигнованные на расходы школе. Процесс заключения договоров зимой-весной 1923 г. проходил трудно, но, по сравнению, с неэффективным принудительным самообложением населения, добровольная договорная кампания реализовывалась на 20–25%, что всё же давало возможность поддерживать школу и учителя¹⁶. При реализации договоров проявилась и обратная сторона этого процесса. Угрожая лишением материальной поддержки, крестьянское сообщество диктовало свои условия школе: учителя, работавшие на договорных началах, обязывались преподавать письмо и арифметику в рамках дореволюционных учебных программ, а также Закон божий. Отсутствие у местных властей достаточных рычагов контроля и противодействия этой тенденции (в конце 1922 – начале 1923 гг. штаты окружных отделов народного образования были сокращены, а волостные отделы как структура полностью ликвидированы) ставило отделы народного образования перед выбором: отказаться от такой формы поддержки сельской школы или пожинать плоды договорной кампании «по-крестьянски».

В условиях, когда школа рассматривалась как важный участок идеологического фронта, а постановка дела образования осуществлялась в соответствии с принципом, сформулированным X Съездом РКП(б): «Всё просвещение в коммунистическом государстве может быть только коммунистическим и никаким другим», власть не могла допустить, чтобы образовательный процесс в школе шёл вразрез с государственной просвещенческой политикой и идеологией. Весной 1923 г. исполкомы приняли решение отказаться от практики договоров с населением и приступили к поэтапному сокращению и переводу этих учебных заведений на местный бюджет¹⁷. Для поддержки школы на местах широко использовались различного рода фонды, создававшиеся из денежных и натуральных поступлений. Власть высказалась за то, чтобы на средства фондов «насаждать школы, потому что в округах нет зданий», а также закупать учебники в школы. Основным видом деятельности фондов в поддержку сельской школы стало приобретение учебников. Однако не всегда и не везде эти фонды работали активно в данном направлении. Обеспечение учебниками сельской школы в 1923/1924 учебном году осуществлялось на 15–40%¹⁸.

Наиболее стабильным источником внебюджетного финансирования школы в 1920-х гг. была её собственная хозяйственная деятельность на пришкольном участке. Возможность наделения школ земельными участками определялась постановлением СНК РСФСР от 15 августа 1921 г. «О ме-

¹⁶ Ялозина Е.А. Указ. соч. С. 82.

¹⁷ Постановление Центрального исполнительного комитета СССР «Временное положение о местных финансах» от 12.12.1923.

¹⁸ Тверская губерния в 1926–1928 гг. Тверь, 1929. С. 192.

рах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений»¹⁹. Предполагалось, что полученные средства от реализованного школьного участка урожая будут использованы на ремонт и содержание школы, её хозяйственные нужды. В свою очередь, Наркомпрос отмечал важность для школы такой статьи дохода, как урожай с земельных участков, и в своих циркулярах призывал местные власти шире использовать посевную кампанию для организации школьных участков, огородов, плантаций. Практика школьного строительства во второй половине 1920-х гг. подтверждала, что хозяйственная деятельность на пришкольном участке занимала весомое место в улучшении материально-технического состояния сельской школы, особенно при подготовке к началу учебного года, и являлась в этом смысле важным источником внебюджетного финансирования. Слабое развитие общественной местной инициативы, отсутствие пришкольных участков отмечается в Осташковском, Бежецком, Кимрском уездах²⁰.

Другим источником внебюджетного финансирования образовательных учреждений и возможного смягчения их кризисного положения была помощь школам со стороны шефских организаций и предприятий. Кампания шефской помощи разворачивается в начале 1922 г. В ходе этого мероприятия исполкомы, как правило, прикрепляли, школы к государственным, кооперативным, общественным организациям. Многие предприятия, проявляя инициативу, добровольно брали шефство над школами. Но в 1923 г. их энтузиазм заметно ослаб, шефская помощь как источник финансирования школы начала давать сбои. Тогда власти запустили механизм административно-партийного принуждения и контроля за выполнением шефских обязательств предприятиями. В таком виде эта форма поддержки школы существовала и во второй половине 1920-х гг. Кризисное положение школы заставляло органы власти расширять базу её финансирования за счёт внебюджетных средств. В дальнейшем становилось очевидным, что чрезвычайный режим использования подобных «ресурсов» не мог быть рассчитан на длительный период и при этом оставаться достаточно эффективным²¹.

Важная роль в материальной поддержке школы в 1920-е гг. принадлежала родительским комитетам. Их финансовая деятельность строилась в соответствии с «Положением о комитетах содействия благоустройству школ» (комсодах), которые начиная с 1922–1923 учебного года были созданы при школах. Главная задача комитетов заключалась в оказании помощи школьному совету в организации материально-хозяйственной стороны жизни школы, в проведении в жизнь директив отделов народного образования. Для изыскания средств на поддержание школы комсодам предоставлялись широкие возможности: организовывать взносы родителей, проводить сборы от платных вечеров, принимать добровольные пожертвования отдельных лиц и учреждений, привлекать для оказания помощи шефов. Собранные ими в

¹⁹ Декрет Совета народных комиссаров «О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» от 15.09.1921.

²⁰ Тверская губерния в 1926–1928 гг. С. 194.

²¹ Там же. С. 193.

1923–1925 гг. суммы давали возможность не только произвести ремонт, доплаты учителям, заготовить топливо, оплатить хозяйственные расходы, но и содержать библиотеки, предметные кабинеты. Во второй половине 1920-х гг. самообложение родителей учащихся по-прежнему было главным источником средств комсодов. Собранные таким образом суммы составляли около 90 % всех средств, затрачиваемых школами на хозяйственные нужды²². Практика работы комсодов по самообложению родителей учеников показала очевидную экономическую целесообразность данной формы привлечения внебюджетных средств и эффективно использовалась в дальнейшем.

Не менее важным источником внебюджетного финансирования школы была введенная в декабре 1922 г. плата за обучение. Попытки её введения на местах предпринимались с 1921 г., однако подобные инициативы в тот период рассматривались как преступление по должности и пресекались властями в соответствии с основным принципом государственной просвещенческой политики о бесплатном образовании. В условиях углубляющегося экономического кризиса X Всероссийский съезд Советов вынужден был пойти на компромисс и разрешить в виде временной меры, рассчитанной на тяжёлый переходный период, введение в городских школах платы за обучение²³. При этом основная тяжесть переносилась на плечи более обеспеченных слоёв населения, давались твёрдые гарантии льготных условий платности, а также бесплатности для менее обеспеченных слоёв трудящихся и инвалидов войны. Регламентацией этой процедуры, установлением форм платности, выработкой соответствующих инструкций о порядке взыскания сумм и размеров платы для различных категорий учащихся совместно занимались отделы народного образования, профсоюз и исполком. Согласно изданному в январе 1923 г. «Положению о плате за право учения», плата взималась по принципу классовой дифференциации плательщиков и в зависимости от заработка родителей учащихся²⁴. Определённым социальным категориям граждан предоставлялись льготы. Положение определяло, что плата за учёбу в школах городов и поселений городского типа должна взиматься с граждан, живущих на средства, получаемые от торговых, промышленных и других приносящих доход предприятий, а также со служителей религиозных культов, граждан свободных профессий (адвокаты, художники, ремесленники). С рабочих и служащих, получавших зарплату свыше 12-го разряда, плата взималась в том случае, если она была не менее 20 руб. Отчисления от их зарплаты составляли 1–5 % за одного ребенка независимо от числа обучающихся детей в семье. От

²² Тверская губерния в 1926–1928 гг. С. 199.

²³ Ялозина Е.А. Плата за обучение в советской школе в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Раздел: исторические науки и археология. Тамбов, 2015. С. 219.

²⁴ Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета народных комиссаров РСФСР «О порядке взимания платы за обучение в учреждениях народного комиссариата просвещения» от 22.03.1923.

платы за обучение освобождались рабочие, получавшие зарплату ниже 13-го разряда, государственные пенсионеры, безработные, круглые сироты, инвалиды труда и войны. В список льготных категорий, освобождённых от платы за обучение, входили военные – рядовые, командиры, комиссары и армейские политработники, а также работники просвещения, состоявшие на службе в учреждениях Наркомпроса. Установленная положением плата за обучение должна была вводиться в школах областных центров с 1 января 1923 г., а в школах окружных центров – с февраля 1923 г. Одни школы, уже практиковавшие платность и прежде, с введением положения всего лишь легализовали и регламентировали свои действия, другие начали постепенно вводить положение с момента опубликования, среди них к концу года оставались и такие, где плата за обучение всё ещё не была введена²⁵. Первые результаты показали, что собранные школами суммы были в несколько раз меньше ожидаемых. Вместе с тем из школ начался отток учащихся, не сумевших заплатить за обучение. По этой причине к концу 1922/1923 учебного года количество учащихся в школах сократилось в среднем на 12 %. Такие последствия безусловно вызывали обеспокоенность руководителей органов народного образования, декларировавших всеобщее обучение, однако в условиях кризиса важным было прежде всего сохранить саму школу. Поэтому проблема самоотсева учащихся рассматривалась как временная. Насущной задачей в дальнейшем стало упорядочение и активизация сбора платы за обучение и, таким образом, пополнение внебюджетных доходов в поддержку школы. Распоряжением Наркомпроса в 1925 г. размеры платы за обучение были изменены. В незначительной мере это коснулось рабочих и служащих, заработок которых составлял 25–120 руб. Но для другой категории населения, чьи доходы превышали указанные, плата за обучение их детей в школе была увеличена в 1,5–3 раза. Если, к примеру, кустари-одиночки в предыдущем учебном году платили 1–3 руб., то новое распоряжение устанавливало эту плату в размере 4 руб. Торговцы 2-го разряда, платившие ранее 3–6 руб., в новом учебном году вносили за своих детей плату в размере 7–8 руб. Для торговцев 3-го разряда эта сумма составляла 10 руб., а для граждан «свободных профессий» и служителей культа – от 10 до 25 руб.²⁶

Таким образом, использование системы многоуровневого финансирования образования позволило советской власти поддерживать школу в качестве важного общественного института, не допустить её разрушения. В сложных экономических условиях 1920-х гг. это была оптимальная мера, направленная на обеспечение реконструкции системы народного образования. Это позволило увеличить расходы на заработную плату, хозяйственные расходы, приобретение инвентаря. В Тверской губернии было построено 65 новых школ и отремонтировано 548 зданий²⁷. Однако проблемы недостаточ-

²⁵ Ялозина Е. А. Многоканальное финансирование советской школы в годы НЭПа как антикризисная мера... С. 83.

²⁶ Лопатина О. И. Платность // Народное просвещение. 1923. № 3. С. 3-5.

²⁷ Тверская губерния в 1926–1928 гг. С. 194.

ности кадрового потенциала, снабжения учебной литературой, уход обучающихся из школы не были решены. В начале 1930-х гг. государственные расходы на образование были существенно увеличены, отменена плата за обучение, упразднены фонды, действовавшие за счёт самообложения населения, что позволило создать эффективную материальную базу советской системы образования.

Список литературы:

1. Лопатина О.И. Платность // Народное просвещение. М.: Гос. изд-во, 1923. – 79 с.
2. Плюснин-Кренин Б. Под тем же знаменем // Народное просвещение. М.: Гос. изд-во, 1921. № 87–88. С. 1–2.
3. Пухальский С.И. Народное образование // Сборник материалов. Гос. изд-во. Тверское отделение, 1921. С. 87–93.
4. Ялозина Е. А. Многоканальное финансирование советской школы в годы НЭПа как антикризисная мера: исторический аспект вопроса // Вестник Московского государственного областного университета. Раздел: Новейшая история России. М., 2010. № 3. С. 80–85.
5. Ялозина Е.А. Плата за обучение в советской школе в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Раздел: исторические науки и археология. Тамбов: Грамота, 2015. № 12. Ч. 3. С. 218–221.

Об авторе:

ПЛАХИНА Анна Васильевна – аспирант, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (170100, Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31), e-mail: Anette18@yandex.ru

SCHOOL EDUCATION IN TVER PROVINCE IN THE 1920 S.

A.V. Plakhina

Tver State University,
Tver, Russia

The article is devoted to the analysis of one of the most pressing problems in the early years of the Soviet government - the financing of public education. The publication describes the methods and methods of creating an effective system of school support and development in Tver province based on the reports of the Gubernatorial Executive Committee. The problems and difficulties faced by the Soviet government and local authorities in trying to build a new state education system are revealed, and proposals for creating an effective financial base are analyzed.

Keywords: public education, Tver province, two-level financing, reform, expenses, human resources, school construction, extra-budgetary funds, tuition fees, funds.

About the author:

PLAKHINA Anna Vasilievna – Post-Graduate Student, Direction «Russian History», Tver State University (170100, Tver. st. Trekhsvyatskaya, 16/31), e-mail: Anette18@yandex.ru

References

- Lopatina O.I., *Platnost'*, Narodnoe prosveshhenie, M., Gos. Izd-vo, 1923. – 79 s.
- Pljusnin-Krenin B., *Pod tem zhe znamenem*, Narodnoe prosveshhenie, M., Gos. Izd-vo, 1921, № 87–88, S. 1–2.
- Puhal'skij S.I., *Narodnoe obrazovanie*, Sbornik materialov, Gos. Izd-vo, Tverskoe otделение, 1921, S. 87–93.
- Jalozina E.A., *Mnogoranal'noe finansirovanie sovetskoj shkoly v gody NEPa kak antikrizisnaja mera: istoricheskij aspekt voprosa*, Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Razdel, Novejshaja istorija Rossii, M., 2010, № 3, S. 80–85.
- Jalozina E.A., *Plata za obuchenie v sovetskoj shkole v 1920 gg.*, Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy toerii i praktiki. Razdel: istoricheskie nauki i arheologija, Tambov, Gramota, 2015, № 12, Ch. 3, S. 218–221.

Статья поступила в редакцию 22.07.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.